

ВОЛЬМАН ДИАНА ЮРЬЕВНА,
ГАСЫМОВ ЭЛЬДАР ШАФИАДДИНОВИЧ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ДЕРСУ УЗАЛА В ТРАВЕЛОГЕ В. К. АРСЕНЬЕВА «В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ»

Предметом исследования настоящей статьи являются особенности языковой картины мира гольда-охотника, спутника В. К. Арсеньева Дерсу Узала, а также принципы жанрового своеобразия текстов цикла «В дебрях Уссурийского края». В работе произведён анализ образа старого нанайца, следствием которого послужил вывод о преобладании художественного компонента в прорисовке характера, что приводит к утрате реальных черт прототипа. Не менее примечательны фольклорные признаки, формирующие художественную основу образа Дерсу Узала. Лингвистические наблюдения позволили отметить в тексте наличие средств выразительности, прономинии, буквализации фразеологизма.

Ключевые слова: языковая картина мира, анимизм, номинация, травелог, средства выразительности.

Keywords: language picture of the world, animism, nomination, travelogue, means of expression.

Целью настоящей работы является попытка определить жанровые особенности дилогии В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», проанализировать роль образа Дерсу Узала в структуре произведений, отметить стилистические признаки, формирующие идиостиль В. К. Арсеньева. Раскрыть особенности языковой картины мира Дерсу Узала.

Как известно, значимым результатом продолжительных научных экспедиций В. К. Арсеньева стала характерная дилогия «В дебрях Уссурийского края», включающая тексты «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

Идентификация текстов как художественных не раз вызывала трудности у исследователей. Фабулу дилогии составили реальные события, происходившие с автором и его спутниками во время экспедиций по Уссурийскому краю, а первоисточниками для книг послужили экспедиционные дневники [5]. Данный факт предполагает рассмотрение текстов как частично научных. Однако следует отметить, что в произведении нередко встречаются хронологические изменения, связь которых с какой-либо научной или просветительской задачей не обнаружена, а также установка на художественность в разработке образа Дерсу Узала.

Некоторые издания называют текст В. К. Арсеньева романом [4]. Издания прошлых лет относили дилогию к повести [3]. Кажется, подобные жанровые наименования справедливы лишь в отношении художественной литературы, тогда как «Дерсу Узала» и «По Уссурийскому краю» содержат признаки не только и не столько художественной, сколько научно-популярной, научной и дневниковой литературы.

Вероятно, вполне обоснованно квалифицировать тексты В. К. Арсеньева как травелог или художественный травелог (чтобы выделить превалирующий элемент). Травелог — литературный жанр, повествование которого строится на путешествии. Это может быть рассказ об экспедиции открывателей или о личном опыте путешественника с некоторой долей рефлексии [6]. Главными принципами построения травелога являются описание и повествование, эквивалентные друг другу. В работах В. К. Арсеньева, сюжет которых связан прежде всего с образом Дерсу Узала, действительно сложно определить повествовательный или описательный элемент считается преобладающим.

В данном случае особое внимание необходимо уделить проводнику-гольду. При чтении «В дебрях Уссурийского края» для адекватной интерпретации текста требуется понимание образности как явления. Образ трактуется как эстетическая категория, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности [11]. В. К. Арсеньев в известной степени преломления реальности постарался отразить личность Дерсу. Многие достоверные факты, отсутствующие в книге, деконструируют романтиче-

скую составляющую образа. Например, давно установлено, что широкое распространение получила литературная версия о времени и обстоятельствах первой встречи В. К. Арсеньева с Дерсу Узала, когда охотник заявился на бивак поздно ночью, напугав всех участников экспедиции. Тогда как в реальности всё произошло вполне обыденно. Сравнение эпизодов позволяет если не в точности определить мотивы писателя, то констатировать наличие авторской задачи, которая зиж-дется на образе старого нанайца.

Не менее примечательно, что комическая установка эпизода выступает в качестве компонента тематической анти-тезы. Перед приходом Дерсу в отряд преобладает печальное настроение: «В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково» [2, с. 14]. Услышав шум рядом с биваком, отряд подумал, что к ним забрался медведь. Однако из темноты является гольд, первая фраза которого сказана на ломаном русском языке. Противоречие формирует эффект обманутого ожидания, который встречается в разных условиях общения, когда суть высказывания оказывается совершенно неожиданной и весьма далёкой от прогнозируемого [9]. Данное обстоятельство, в свою очередь, способствует реализации комического начала, которое согласуется с языковым несоответствием нормы и узуса.

Знаменательно, что после прихода Дерсу окружающая природа кажется повествователю полной красоты и гармонии: «Звёзды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы всё сидели у костра и разговаривали. <...> На земле и на небе было ещё темно, только в той стороне, откуда подымались всё новые звёзды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса — верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царила торжественная тишина. Казалось, природа отдыхала тоже» [2, с. 17]. До прихода Дерсу всё казалось полным неизвестности, на что указывают указательные и неопределённые местоимения («что-то, какие-то, это»). Однако уже во время разговора с гольдом природа кажется повествователю приветливой, а всё вокруг — знакомым (здесь используются прямые номинации — *звёзды, роса*). Весьма значимым представляются и средства выразительности, используемые автором, — олицетворения и эпитеты («звёзды на небе переместились и показывали», «царила торжественная тишина», «природа отдыхала»), фразеологические сочетания, в основе которых лежит метафорическое одушевление («часы летели за часами»).

В дальнейшем образ гольда оформляется, причём немалую роль в этом играет языковая картина мира героя. Некоторые исследователи видят особый смысл в стилизации речи жителя тайги, выделяя при этом значение императивной составляющей: формы повелительного наклонения

определяют смысл жизни-борьбы, звучат как внутренние призывы к движению вперёд [13]. Дерсу почти всё окружающее в тайге называет «люди»: от животных до природных явлений. В последней главе В. К. Арсеньев-повествователь называет своего приятеля «неисправимым анимистом», чем обозначает главную мировоззренческую особенность гольда [2, с. 468]. Под анимизмом понимается свойственное всем первобытным народам учение о духовных существах как причинах всех явлений внешнего и внутреннего мира [1]. Проводник В. К. Арсеньева всегда видит причинно-следственные связи в любом явлении окружающего мира, нередко соотносит их причины с разного рода сверхъестественными силами. Несмотря на антинаучный подход, подобная особенность позволяет развиться его навыкам следователя, которые не раз помогли членам экспедиции.

Следует отметить особенность номинаций в языковой картине мира Дерсу Узала — гольд никогда не обращается по имени ни к кому из отряда В. К. Арсеньева, однако не раз допускает разговоры с представителями животного мира, а некоторых называет по имени. Магическое значение, придаваемое процессу наречения объекта личным именем, — явление универсальное, присущее практически всем культурам мира [12]. Данное обстоятельство может указывать как на роль носителей имён в жизни Дерсу Узала, так и на значение имени как элемента мировоззрения самого гольда.

Весьма примечательно отметить, как Дерсу обращается к тигру, предупреждая его об опасности: «Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету» [2, с. 309]. Для тигра у гольда есть особое имя — Амба, которое обозначает чёрта, но этим же именем называют и тигра. Известно, что обычно тигр приближается к жилью, когда он стар или болен, голод заставляет его нападать на собак, скот и даже на человека. Именно такого тигра считали «сумасшедшим» или злым духом Амба [13]. Тигр для Дерсу не просто равное живое существо, не просто сосед в тайге, а посланник высшего существа, воплощение злого бога, вездесущего и бесстрашного. В этом смысле интересна реакция гольда на другого тигра, напавшего на бивак путешественников: «Такой Амба можно стреляй, грех нету» [2, с. 459]. Поведение этого тигра не соответствует божественному, потому что хищник вместо выбранной добычи предпочёл напасть на членов экспедиции, заметив, что они не вооружены и крепко спят. А вместо того чтобы вступить в бой и забрать желаемое силой, тигр старается скорее скрыться, забрав одну из собак. Безжалостный злой дух не мог поступить так нелепо, он бы, вероятно, разграбил бивак и убил всех членов отряда, оставив, быть может, одного в живых, чтобы весть о его могуществе распространялась. Данное противоречие побудило Дерсу не пересмотреть свой

взгляд на тигра как на материальное воплощение злого духа, а убедиться, что не каждый полосатый хищник — злой дух. «Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри — стреляй!» [2, с. 460]. Таким образом, фундамент мировоззрения охотника — анимизм.

Гуманистическая система жизни в тайге, частью которой мыслит себя Дерсу, заставляет его не только персонифицировать хищников, но и сочувственно относиться к травоядным. Однажды на охоте гольд подстрелил изюбра (восточноазиатского оленя): «Раненое животное подымало голову и, видимо, кончало расчёты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбрь подохнет» [2, с. 379]. Сомнителен тот факт, что охотник будто бы не смог довершить начатое. Вероятно, он хотел дать животному проститься с жизнью, обдумать свои последние минуты, причём данный поступок нельзя считать условностью, так как Дерсу торопливо ждал кончины оленя: «Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох» [2, с. 380].

Весьма значимым оказывается вопрос о роли Дерсу Узала в травелоге В. К. Арсеньева. Гольд сопровождает исследователя на протяжении двух экспедиций, постоянно открывая новые для путешественника знания, связанные с жизнью в тайге. То есть старый охотник всегда выступает в роли наставника. Интересно, что, когда «капитан» приглашает Дерсу жить в Хабаровске и знакомит его с городским бытом, гольд мало удивляется окружающему, а некоторые особенности жизни в населённом пункте вызывают у него негодование, такие как платная вода и дрова, запрет стрелять и разводить костры в городе. Капитан в «своём» мире не меняется ролями с гольдом, а остаётся «учеником». Дерсу отказывается принимать правила «новой» жизни, считая их не правилами, а нарушением правил: «Землю, воду, воздух Бог даром давал. Как можно?» [2, с. 468].

В глубоком лесу В. К. Арсеньев и его отряд, кажется, не прожили бы и дня без Дерсу. С самого начала экспедиции гольд выбирал наиболее безопасные и короткие пути, предупреждал об опасности, помогал справляться с катаклизмами. Во всех его наставлениях слышалось особое отношение к тайге не как к месту временного пребывания, а как к особому миру, где действуют свои законы и правила. В этом смысле можно утверждать, что Дерсу исполняет роль проводника в мир тайги, посредника между цивилизацией и дикой, первозданной природой. Закрепление за гольдом данной роли позволяет обосновать художественное преломление реальной личности Дерсу и образа, воссозданного В. К. Арсеньевым в диалогии «В дебрях Уссурийского края».

В. Я. Пропп отмечает, что одним из признаков проводника является его животная природа, причём не всегда в прямом смысле. Одежда в виде шкур животных, например, уже была одним из символов, присущих проводнику

[8, с. 395]. В. К. Арсеньев-повествователь отмечает, что охотник «одет был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны» [2, с. 15]. Данную деталь можно отнести к попытке реалистического отображения действительности, однако символизм, присущий таким атрибутам внешнего вида, всё же имеет место.

Другим признаком, доказывающим принадлежность гольда к роли проводника, является посредничество между мирами, в данном случае миром цивилизации и миром дикой природы [8, с. 397].

Следует отметить, что одна из ступеней развития представления о фигуре проводника связана с его ролью в загробном мире [8, с. 394]. Сложно говорить о подобных мотивах в рамках авторской задачи, однако факт особого отношения к смерти в тайге неоспорим. Для охотника-на-найца найденные в тайге погибшие если не типичная, то обыкновенная находка, поэтому он воспринимает их как звено цепи в сложной системе жизни леса.

Примечательно, что весьма высокая значимость охоты в жизни Дерсу находит своё отражение в образе волшебного помощника у В. Я. Проппа: «Охотничьи цели мы должны признать древнейшим движущим мотивом, вызвавшим в свет понятие о помощнике» [8, с. 397].

«Сказочность» и сказочные мотивы — ключевой механизм формирования образа Дерсу Узала. Его отношение к смерти, охоте, его внешний вид, слегка напоминающий звериный, так как его одежда сделана из шкур животных, — всё это насыщает образ фольклорной составляющей, реализующейся на сюжетном уровне.

В этом отношении знаменательно то, как сам гольд относится к рассказанной повествователем сказке «О рыбаке и рыбке»: «Верно, такой баба много есть. — Он даже плюнул с досады и продолжал: — Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место» [2, с. 290]. Спустя некоторое время Дерсу не покидала мысль о героях сказки: «Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи — наверно, совсем стоптал свои унты» [2, с. 290]. Дерсу абсолютно игнорирует установку на художественность в сказке, воспринимает историю о золотой рыбке как вполне реальную, причём этнолексемы, употреблённые героем, указывают на стойкость языковой картины мира. То есть Дерсу неведомого старика из неизвестных времён приравнивает к своей жизни здесь и сейчас. Данный факт позволяет констатировать параллель между образом Дерсу и сказкой как особым преломлением действительности. Для гольда говорящая рыба, исполняющая желания, так же реальна, как корыстолюбивая супруга старика. Границы сказки и реальности оказываются разрушены. Сам Дерсу, несмотря на просвещённость его спутников, не принимает

этих границ, оставаясь всегда на периферии сказочного и реального взгляда на мир.

Справедливо предположить, что автор при формировании образа в первую очередь руководствовался его сказочной основой. Вопреки отсутствию динамического сюжета и оригинальных характеров в травелоге В. К. Арсеньева художественное начало этого сочинения заключается преимущественно в прорисовке образа гольда. Некоторые сказочные мотивы, реализуемые в образе, создают особый колорит, сохраняющийся на протяжении всего произведения. Анимизм и некоторые отличительные черты, связанные с этнической принадлежностью Дерсу, способствуют более эффективной реализации авторской задачи, дополняя образ реальными характеристиками, соотносёнными с языческим мировоззрением.

Известно, что в рабочем наследии В. К. Арсеньева сохранились его собственные выписки из произведений многих русских и зарубежных писателей, из которых видно, что он учился писательскому мастерству [2, с. 477]. Действительно, нередко в произведении «Дерсу Узала» можно заметить примечательные места, где заметна художественная обработка текста. Так, лексема *эльдорадо* в тексте употребляется в двух разных функциях. Первая — название парохода: «Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, зафрахтовало пароход “Эльдорадо”» [2, с. 280]. А вторая — метафорическая номинация местности вокруг залива Джигит. Автор прибегает к иронической интонации в отношении жертв золотой лихорадки: «Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдорадо» [2, с. 286]. В данном случае можно говорить о реализации прономинции — метафорической фигуры, заключающейся в экспрессивном использовании имени собственного в значении имени нарицательного [7]. Не менее значим символический подтекст языковой единицы. Эльдорадо — баснословная страна золота и драгоценных камней, «где сокровища эти так же обычны, как у нас обыкновенный булыжник» [14]. Именно на пароходе с таким названием к членам экспедиции приезжает А. И. Мерзляков вместе с мулами, без которых путешествие не могло начаться. Вероятно, автор желал подчеркнуть истинную ценность настоящих исследователей — возможность приступить к изучению малоизвестных территорий. Следует отметить, что именно поиски Эльдорадо дали очень ценные географические и этнографические результаты при освоении американского континента [14].

Образцом языковой игры является лексема *душа* в одном из эпизодов травелога. В Джигит приехали семьи староверов, и Дерсу встретил одного из своих приятелей, с которым некоторое время провёл в лесу за охотой. В раз-

говоре с повествователем этот «истинный христианин по церкви апостольской» утверждает, что гольд — «нехристь» и что у него не душа, а «пар» [2, с. 285]. Повествователь явно выступает против подобного умозаключения и даже порывается отговорить Дерсу от доброго дела для этого человека. Однако, помимо содержательного уровня, противоречие реализуется и на языковом уровне. Незадолго до разговора с повествователем описывается беседа гольда и его приятеля-старовера, где даётся такая оценка впечатлений Дерсу от воспоминаний прошлого: «Гольд отвечал и смеялся от души» [2, с. 285]. В рамках контекста можно говорить о частичной буквализации фразеологизма, так как компонент *душа* выступает не просто как часть устойчивого сочетания, но и как самостоятельная лексическая единица, получающая особое значение в дальнейшем повествовании.

В результате проведённого исследования была предпринята попытка охарактеризовать жанровую составляющую диалогии В. К. Арсеньева как художественный травелог в связи с преобладающим содержанием описательных и повествовательных фрагментов. Отмеченная образность

в прорисовке характера Дерсу Узала позволяет квалифицировать данный травелог именно как художественный.

Проанализированы особенности языковой картины мира Дерсу Узала, среди которых выделяются всеобъемлющий характер, что выражается репрезентацией сказки о золотой рыбке через субъективную призму лингвокультуры путём употребления этнолексем; анимизм как характерная черта мировоззрения, значимость системы номинации, её роль в когнитивном опыте Дерсу.

Суть образности Дерсу Узала в структуре произведения заключается в его сказочной составляющей: фольклорные мотивы, связанные со значением проводника, находят реализацию в прорисовке характера гольда. Подобные признаки указывают на преобладающий художественный компонент в структуре образа, что приводит к утрате реальных черт прототипа. Именно архетипическое содержание делает образ в некотором смысле узнаваемым и положительным для читательской интерпретации.

Лингвистические наблюдения позволили отметить в тексте наличие средств выразительности, прономинции, буквализации фразеологизма.

Список использованных источников

1. Анимизм // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 2 / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург, 1902. — С. 782.
2. Арсеньев, В. К. В дебрях Уссурийского края / В. К. Арсеньев. — Москва : Мысль, 1987. — 492 с., ил. — Содерж.: По Уссурийскому краю ; Дерсу Узала.
3. Арсеньев, В. К. Дерсу Узала : [повесть об экспедициях в Уссурийский край в 1902, 1906, 1907 гг.] / В. К. Арсеньев. — Москва : Географгиз, 1955. — 271 с. + карт.
4. Арсеньев, В. К. Дерсу Узала : [роман] / В. К. Арсеньев ; вступ. ст. В. Сысоева ; худож. Б. Ольшанский. — Москва : Худож. лит., 1988. — 219 с. : ил. — (Школьная б-ка).
5. Воробьёв, Н. С. Поэтика травелога / Н. С. Воробьёв // Палимпсест : литературовед. журн. — 2020. — № 4. — С. 18–29.
6. Майга, А. А. Литературный травелог: специфика жанра / А. А. Майга // Филология и культура. — 2014. — № 3 (37). — С. 254–259.
7. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминолог. словарь / В. П. Москвин. — 3-е изд. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. — 208 с.
8. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки ; Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Колibri : Азбука-Аттикус, 2021. — 640 с.
9. Сазонова, Т. Ю. Эффект обманутого ожидания: лингво-когнитивное моделирование / Т. Ю. Сазонова, А. В. Умеренкова // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 5. — С. 30–33.
10. Старцев, А. Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе / А. Ф. Старцев. — Владивосток : Дальнаука, 2017. — 232 с.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; чл. редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 696 с.
12. Сыздыкбаев, Н. А. Миф-имя в системе мифопоэтики / Н. А. Сыздыкбаев // Вестн. Челябин. гос. ун-та. — 2012. — № 2 (257). — С. 107–109.
13. Фролова, Е. А. «Странническая» жизнь художника слова (лингвистический анализ повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала») / Е. А. Фролова // Рус. язык в школе. — 2015. — № 8. — С. 33–38.
14. Эльдorado // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 80 / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург, 1904. — С. 673.

Материал поступил в редакцию 27.05.2022.

Сведения об авторах:

Вольман Диана Юрьевна, студентка факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: г. Дальнереченск, ул. Владивостокская, д. 9, кв. 32; e-mail: volman.ddt@mail.ru; тел. 8-902-078-22-80.

Гасымов Эльдар Шафиаддинович, студент факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: г. Хабаровск, пер. Облачный, д. 64, кв. 61; e-mail: Aldar283760@mail.ru; тел. 8-909-857-69-79.

Научный руководитель: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).